

пейда олув ёлларыны тайинлендик. Табили муреккеп джумлелернинь меселесини бакъып чыкътыкъ.

Файдаланылгъан эдебият

1. Абдуллаев А.З. Пути возникновения сложноподчинённых предложений в тюркских языках. // Советская тюркология, 1970. – №3. – С.53–56, 58–59.
2. Азэрбајчан нагыллары. Бақы, 1960. – С.275, 238.
3. Акъмоллаев Э.С. Къырымтатар тилининь амелияты. Синтаксис. – Ташкент: Укитувчи.1989. – С.84–131.
4. Б. Бајрамов. Јарпаглар. Бақы, 1961. – С.47.
5. Виноградов В.В. Грамматика русского языка: в 2-х т./АН СССР. – М.:1954,т.2:Синтаксис. – С.77–85,268–269.
6. В.М. Насилов. Древнеуйгурский язык. – М., – 1963. –С.107, 108.
7. Закиев М.З. Некоторые вопросы формирования сложноподчинённых предложений. // Советская тюркология, 1972. – №2. – С.23–31.
8. Китаби Дэдэ-Горгуд. Бақы,1962. – С.154, 94.
9. Нартыев Н. Сложноподчинённое предложение в тюркских языках. // Советская тюркология, 1975. – №5. – С.12–20.
10. Оказ Л.С. Табили муреккеп джумлелернинь тасниф меселеси. // Ыылдыз. – 2002. – №4. – С.142–147.
11. С.Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М. – Л., – 1951. – С.154, 157, 155, 159.
12. Ч. Чаббарлы. Мәнсур вә Ситарә. – Әсәрләри, III ч. – Бақы, 1958. – С.169–184.
13. Усеинов С.М. Крымскотатарско – русский словарь. – Симферополь: Крымучпедгиз, 1994. – 383с.
14. M. Kaşgari. Divanü-Lûgat-it-Türk, tercümesi. Ankara, 1939. – С.325.
15. Yaşar Kemal. Jer demir, gök bakir. İstanbul, 1964. – С.98, 196.
16. W. Radloff. Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus, 1887. – С.83, 81.

Бекирова У.Ф.

ТЕМА СУДЬБЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ТОМАСА ХАРДИ

Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать, как отразился духовный кризис, начавшийся в Англии в конце XIX – начале XX, в творчестве

известного английского писателя Томаса Харди, который вместе с веком прогресса обращается к истокам английского общества и через определенную систему образов в романе «Возвращение на родину» стремиться раскрыть тему судьбы.

Проблема выживания человечества в технократическом мире является очень актуальной. Ученые, философы, писатели и художники думают над ней в самых различных плоскостях: экология окружающей среды, сущность человека, природа социума. Ключевой проблемой в этом огромном круге вопросов является проблема духовности. Если сохранится духовное начало, как важное составляющее в жизни социума – сохраниться и человечество. Еще в конце девятнадцатого столетия Томас Харди в своих произведениях поднял разговор о проблеме духовности. Он пришел к выводу, что характер человека, в конечном итоге, определяет его судьбу, а характер человека, в свою очередь, зависит от его образа мыслей, уклада жизни, системы ценностей и идеалов, которые определяют смысл его предназначения в этом мире.

Томас Харди (Thomas Hardy, 1840–1928) является одним из крупнейших романистов викторианской эпохи. Его перу принадлежит множество романов, рассказов, повестей, а также стихотворений. В своих произведениях Томас Харди отразил духовный кризис Викторианской эпохи, связанный со стремительной индустриализацией Англии и, как следствие, разрушением его традиционной культуры.

Томас Харди был писателем – традиционалистом. Он почти всю свою жизнь прожил в Дорчестере и был духовно связан с сельской Англией. Харди глубоко волновала судьба людей, живших в сельской Англии, где еще удавалось сохранить традиционный уклад жизни англичан и связанную с ней систему нравственных ценностей [3].

Во всех романах «характера и среды» автор уделяет большое внимание теме судьбы. Особо ярко она выражена в романе «Возвращение на родину». Этим романом Харди вводит в английскую литературу новую тему – трагического столкновения героя и окружающей его среды. Многие исследователи творчества Томаса Харди полагают, что роман «Возвращение на родину» носит автобиографический характер. В нем повествуется о трагической судьбе главного героя – Клайма Ибрайтта, молодого человека, который, покинув родные края для того, чтобы получить хорошее образование и сделать профессиональную карьеру, отправляется в Париж. Но большая любовь к своему народу и привязанность к родным краям заставляют его вернуться на Родину. Клайм Ибрайтт мечтает о том, чтобы построить школу на Эгдонской пустоши и обучать простых, неграмотных крестьян основам знаний. Как пишет Томас Харди: « В лице Клайма Ибрайтта смутно угадывался типический облик будущего. Если для нас настанет еще пора классического искусства, тогдашние Фидии будут создавать именно такие лица. Взгляд на жизнь, как на что-то, с чем приходится мириться, сменивший прежнее упоение бытием, столь заметное в ранних цивилизациях, взгляд этот, в конце концов, вероятно, так глубоко внедрился в самое существо передовых народов, что его отражение в их внешности станет новой отправной точкой для изобразительного искусства... Облик, воплощающий в себе идеалы, основанные на этом новом восприятии мира, будет

вероятно, сроден облику Ибрайта. Его лицо приковывало внимание не как картина, а как страница текста – не тем, каким оно было, а тем, о чем оно рассказывало. Черты его были привлекательны, как символы, как звуки, сами по себе обыденные, становятся приятны в речи, и формы, сами по себе простые, становятся интересны в письме» [1, с. 156 – 157].

Особенность Клайма Ибрайта заключалась в том, что духовно он жил уже в будущем своего края, иначе говоря – он был наравне с мыслителями того времени, проживавшими в главных европейских городах, но, стремясь к «высокому мышлению, он одновременно не хотел отрываться от простой, в некоторых отношениях даже дикой и скудной жизни и братства с простолюдными» [1, с. 160].

На жизненном пути Клайма Ибрайта появляется молодая, яркая, красивая девушка с «языческими глазами, полными ночных тайн» – Юстасия Вэй, дочь греческого капельмейстера, родом с острова Корфу и внучка морского капитана, человека с хорошей и благородной семьи. Юстасия Вэй – резко выраженная индивидуальность, с чувством собственного достоинства.

Перед Клаймом Ибрайтом, Юстасия Вэй предстала в ореоле слепящего сияния, «заженного вокруг него любовью и красотой», но сияние это было недолгим, и вскоре Клайм столкнулся с необходимостью «питать и поддерживать три враждебных друг другу элемента: доверие матери к нему, свой план стать учителем и счастье Юстасии» [1, с.184]. Клайм был страстной натурой и не хотел отказываться ни от одного своего желания, что, в конечном счете, определило его внутреннюю драму и судьбу.

На страницах романа Томаса Харди присутствует необыкновенный и самобытный «персонаж» – это Эгдонская пустошь, молчаливый свидетель драм ее обитателей, передает движение мыслей и волнение чувств героев романа. «В ней не было ничего мертвенного, отпугивающего, уродливого не было и ничего банального, вялого, обыденного; она как человек, несправедливо обиженный и терпеливо сносящий пренебрежение, и вместе с тем, какая-то грандиозность и таинственность была в ее смуглом однообразии... У нее было одинокое лицо, говорившее о трагических возможностях» [1, с.27].

Томас Харди очень бережно относился к древним верованиям, обычаям и обрядам своего народа. Во многих романах Томаса Харди показано, как языческие ценности, передаваемые через определенное мировосприятие, тесно переплетаются с господствовавшей в английском обществе христианской моралью. Эта тема также прослеживается и в романе «Возвращение на родину». Писатель очень красочно описывает местный обычай разжигания костров на Эгдонской пустоши. «Это естественное побуждение человека в ту пору, когда во всей природе прозвучал уже сигнал гасить огни. Это бессознательное выражение его непокорства, стихийный бунт Прометея против слепой силы, повелевший, чтобы каждый возврат зимы приносил непогоду, холодный мрак, страдания и смерть» [1, с. 35]. Харди делает очень интересные выводы: «Теперь уж можно считать установленным, что в этих осенних кострах, одним из которых сейчас наслаждались поселяне, следует видеть прямое наследие друидических ритуалов и саксонских похоронных обрядов...» [1, с.36].

На фоне вересковой пустоши появляется мефистофелеподобная фигура охрянника Диггори Венна, который занимался древней, практически уже забытой профессией, уходящей корнями в глубокую древность и вел кочевой образ жизни. «Под его, наводящем ужас обликом, скрывались, тем не менее, такие черты характера, как добродушие и сметливость... живая и острая, но чуждая лукавства» [1, с.87].

Можно предположить, что автор ввел образ Венна Диггори для того, чтобы он служил связующим звеном между главными героями романа. Будучи глубоко порядочным человеком, Венн стремится, быть справедливым в отношениях с людьми и, переживая ситуацию конфликта между Клаймом и его мамой миссис Ибрайт, предпринимает попытку их помирить. После разговора с ним, миссис Ибрайт, приобретает решимость навестить сына впервые со дня его свадьбы с Юстасией и сказать ему о том, что прощает его. Но обстоятельства складываются трагически, и миссис Ибрайт уходит из дома Клайма, так и не войдя в него, и не увидев сына, умирает в вересковой пустоши от укуса гадюки. Причиной тому становится поступок Юстасии, не пожелавшей открыть ей дверь и предоставившей это право своему мужу, но Клайм не услышал стук в дверь – нелепое стечение обстоятельств, которое, в конечном итоге привело к трагедии.

Конечно же, Клайм, горячо любивший свою мать и глубоко переживавший разлад с ней, не смог простить Юстасии смерть матери. Клайм и Юстасия расстаются. Она принимает решение покинуть Эгдон и отправиться во Францию, в Париж, город ее мечты. Однако судьбе становится угодно, чтобы Юстасия не прочитав письмо Клайма, в котором он просит прощения у нее и приглашает вернуться к нему, покинула родной кров и погибла в бурную непогоду в водах реки. Крушение мечты и расплата нравственным падением – трагедия Юстасии Вэй. Она старалась быть блестящей, но судьба все время была против нее. «...Я не заслужила своей участи! – вскричала она в горьком негодовании. О, какая жестокость – бросить меня в этот неудачно сотворенный мир! Я многое смогла, но я была искалечена, и отравлена, и смята какими-то силами, над которыми у меня нет власти. Как он жесток, этот бог, что придумал для меня такие муки, хотя я не сделала ему ничего дурного!» [1, с.305 – 306].

Клайму Ибрайту было суждено жить и пережить глубокую душевную драму. Он не смог уберечь жизнь двух очень дорогих ему женщин – матери и Юстасии. С этой трагедией в душе он жил и печалился о том, что «ни человек, ни закон не могут покарать его за то, что он сделал» [1, с.324]. Тяжелые переживания изменили его внешне, но главная перемена была внутри. У него не было врагов, и никто его не упрекал; тем горше он упрекал сам себя. Он думал иногда о том, что судьба несправедлива к нему и говорил о том, что «перед каждым, рождающимся на свет, встает неразрешимая задача, и, по-настоящему людям следовало бы думать не о том, как пройти по жизни со славой, а о том, как уйти из нее без позора» [1, с.306].

Итак, тема трагической судьбы «красной линией» проходит через весь роман «Возвращение на родину». Томас Харди подчеркивает, что как ни прискорбно, но в жизни все же господствует неумолимый

рок. Человек оказывается в царстве несвободы, во власти непостижимой им, его сознанием изначальной предопределенности событий и поступков людей. Даже страстное желание героев романа изменить свою судьбу, судьбу своего народа ни к чему, кроме трагедии не приводит. Клайм Ибрайт в конце концов становится странствующим проповедником, проводящим под открытым небом свои беседы на нравственные темы, для того, чтобы заполнить вакуум, образовавшийся в его душе после потери близких его сердцу людей. « Чувство беспомощности, наполняющее собой роман, человеческой беспомощности над своей природой и жизнью вселенной – тема, которая отныне будет самой сильной в творчестве Томаса Харди», – отмечает Дж. Бэйлэй [2, р.XVI].

Очевидно, что Томас Харди все же старался через свои произведения сделать мир лучше и чище. Писатель не случайно обращается к теме язычества, чтобы показать своим читателям, что были времена, когда человек находился в гармонии с миром, в котором он живет. Однако, научно технический прогресс, стал все больше и больше разрушать естественную связь человека с природой и с Богом, что и привело человека к конфликту с окружающей его социальной средой.

Источники и литература

1. Гарди Томас. Избранное произведение. В 3–х т. Т.1: Возвращение на родину; Мэр Кэстербриджа, История человека с характером: Романы: Пер. с англ./ Сост. и вступ. ст. Н. Демуровой.–М.:Худож. лит.,1988.– 638с.
2. Thomas Hardy. The Return of the Native / T. Hardy; Introd. by J. Bayley, 1992.
3. Урнов М.В. Томас Гарди. Очерк творчества.– М.: изд–во «Худ. лит.», 1969

Казакова Е.В.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ (ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКИХ) СЛОВ АРАБСКОГО ЯЗЫКА ПО СЕМАНТИЧЕСКИМ ПРИЗНАКАМ

Говоря о звукоподражании нельзя не сказать о фоносемантике, которая является одной из самых актуальных проблем современной психолингвистики, и оправдывает себя на стыке фонетики, семантики и лексикологии. В своей книге «Звук и смысл» Журавлёв А. П. определяет фоносемантику как науку, основанную на звукоподражании и звукоимовизме [3]. Следовательно, предметом изучения фоносемантики есть звукоизобразительная система языка, которая подчеркивает связь между звуком и значением. Данный активно развивающийся раздел языкознания, привлекает внимание все большего числа ученых.

Звукоизобразительная система активно рассматривается исследователями в различных аспектах: изучается проблема фонетической мотивированности языкового знака (Журавлев, 1974, 1991; Воронин, 1982); звукоподражательные модели в различных языках (Ашмарин Н. И., 1918); взаимосвязь лексического и фонетического значения (Левицкий, 1994; Гурджиева, 1973; Горелов, 1974); общая теория содержательности звуковой формы языка (Кулешова, 1985; Валуицева, 1987) и др.

Несмотря на то что, в последнее время наблюдается значительный рост интереса исследователей к арабскому языку, на сегодняшний день существует сравнительно мало работ касающихся языковых явлений арабского языка в целом, и фоносемантики в частности. Так, изучая работы Якобсона, Ниропа, Гумбольдта, Скаличка, Вундта, Балли и других языковедов о фоносемантике и звукоизобразительности системы различных языков – немецкого, французского, испанского, итальянского, английского, русского и украинского –, мы пришли к выводу, что актуальность и новизна нашего исследования определяется отсутствием исследований о звукоизобразительности арабского языка, а также о фоносемантике как разделе психолингвистики арабского языкознания..

Таким образом, цель статьи заключается в изучении звукоподражательной лексики арабского языка и её тематической классификации по семантическим принципам для практического применения результатов этой работы при изучении курса арабского языка на факультете восточной филологии. Цель статьи предусматривает разрешение таких задач как: исследование звукоподражательных (ономатопоэтических) слов арабского языка на лексико–семантическом уровне, выделение лексико–семантических категорий классификации, составление тематической классификации ЗП слов арабского языка и осуществление анализа полученных результатов.

В связи с этим, необходимо дать определение звукоподражанию.

Звукоподражание (ономатопея) – закономерная не произвольная фонетически мотивированная связь между фонемами слова и лежащим в основе номинации звуковым (акустическим) признаком денотата (мотивом). Звукоподражательная теория была выдвинута стоиками (3 в. до н.э.), получила развитие в трудах Г.В. Лейбница, И.Г. Гердера и др.[4].

Итак, исследуя ономатопоэтическую лексику арабского языка, мы обнаружили довольно широкие синонимические ряды, представленные звукоподражательными словами. Этот факт вызвал необходимость создания тематической (лексико–семантической) классификации, к основным критериям которой мы отнесли: лексическое значение слова; его семантическую структуру, которая в значительной мере определяет различную степень как смысловой, так и эмоциональной нагрузки; а также стилистические особенности употребления того или иного слова. Принимая во внимание, что лексическое значение слова представляет собой набор семантических и парадигматических признаков, которые обеспечивают